

достатокъ въ логическомъ или естественно-научномъ изслѣдованіи — въ области нравственной философіи можетъ не имѣть особаго значенія или наоборотъ. Нѣкоторая неточность въ терминологіи, которая въ положительныхъ наукахъ лишаетъ всякаго значенія добытые результаты, здѣсь сплошь и рядомъ сама собой исправляется въ виду того, что предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, близокъ каждому, а увлеченіе собственною мыслью, если и не служитъ доказательствомъ ея справедливости, ручается по крайней мѣрѣ за ея искренность и составляетъ необходимое условіе вліянія этой мысли на массу, которая въ данномъ случаѣ требуетъ прежде всего теплоты, убѣжденности, а не точности.

Вопросы о томъ, что намъ надо дѣлать, какъ намъ надо жить? что можно ожидать послѣ или внѣ этой жизни? не поддаются математическому вычисленію, и потому наибольшее вліяніе въ этой области имѣетъ всегда не тотъ, кто обставитъ свои догадки наибольшими вѣроятностями, а тотъ, кто умѣетъ выставить ихъ какъ можно рельефнѣе, съ наибольшимъ убѣжденіемъ въ ихъ непреложности.

Въ своей книгѣ о жизни (*de la vie*) графъ Л. Н. Толстой коснулся этихъ вопросовъ со своимъ обычнымъ талантомъ и съ гораздо большею послѣдовательностью, чѣмъ въ своихъ предшествующихъ сочиненіяхъ. Я постараюсь здѣсь дать краткое изложеніе этой книги, ограничиваясь нѣкоторыми